

от 7 НОЯ. 38

Ярославль

Газета №

Путь артиста

В. ЕЛИСЕЕВА

Прощание с отчим домом напомнило сцену из старинной мелодрамы. Отец, указывая рукой на дверь, зло крикнул:

— Уходи и не возвращайся!..

С несколькими рублями в кармане, полный дерзаний, радужных надежд и веры в светлое будущее, двадцатилетний Ювеналий Белгородский направился в Вильнюс к антрепренеру местного театра. Так началась актерская жизнь.

Первые месяцы работы. Первые горькие разочарования.

Утром на полутемной сцене собралась труппа театра. Шло распределение ролей «Ревизора», «Хлестакова», «Городничий», «Мария Антоновна» насмех сговаривались о выходах и входах. Определялись места участников спектакля на сцене. Актеры «без гардероба» выпрашивали у товарищей брюки или визитку для выхода. После одной-двух подобных «репетиций» спектакль вышуксился. Актеры принимались за подготовку следующей премьеры.

Как далека была действительность от юношеских мечтаний о святом сценическом поприще! Все подчинено было вкусу публики, заполнявшей первые ряды партера. Этот зритель требовал слезливых, щекоющих нервы мелодрам, легких, пошлых переводных французских водевилей, с пением и пляской. Актеры насмех выпускали: «Две сиротки», «Материнское благословение», «Идеальный муж», «Маленькая Япония». И редко, редко среди этой репертуарной шелухи, заполнявшей афиши, можно было прочесть творения великих русских или западных драматургов. Чаще всего они просачивались на провинциальную сцену лишь по настоянию артистов-бенефициантов, вопреки желанию хозяина актеров—антрепренера.

Ежегодно, постом, в этот мертвый для артистов сезон, со всех концов России — из Самары, Саратова, Оренбурга, Керчи они тянулись на Московскую биржу. Заключались договоры. Условия найма были равны для всех: и для актеров с именем, и для начинающих. Заболевший артист через неделю — другую увольнялся. За время болезни жалованье не выдавалось. Никаких отпусков. Каждый артист обязан иметь свой гардероб для любого спектакля.

Двадцать два года из 43 лет, отданных сцене, Ювеналий Васильевич Белгородский провел в бесконечных скитаниях по городам. Много тяжелых воспоминаний связано с этим периодом: падувательства антрепренеров, обшчитывающих на каждом шагу актеров, самодурство меценатствующих «покровителей» театра, унижения...

Некоторые из этих былых эпизодов не стерлись из памяти и поныне.

...Новочеркасск. Антрепренер театра, он же владелец гостиницы, при найме актеров ставил ультиматум: — «Жить в моей гостинице, обедать у меня».

В полужу все жалованье труппы оставалось в кармане у этого ловкого дельца.

Часто, вечерами, в номерах гостиницы шел буйный кутеж богатых купчиков. Антрепренер, заглядывая в комнаты молодых актрис, ласково, но настойчиво просил:

— Развлеките гостей!..

Строптивые увольнялись на второй же день.

Памятен и такой эпизод: в начале 1900 года Ювеналий Васильевич отправился в летнюю, гастрольную поездку с артисткой Яворской. За три месяца труппа теат-

ра обехала... 46 городов! Это не было в те времена рекордной цифрой. Таковы были «условия работы» многих провинциальных артистов. Как только кончался спектакль, вся труппа (многие так и не успев разгримироваться) являлась на поезд. Завтра предстояло дать спектакль в следующем городе. Правда, не всегда удавалось проявить нужную «оперативность» и попасть во-время на поезд. И в этом случае страдал заработок актера.

— Помню, — рассказывает Ювеналий Васильевич, — было это, кажется, в Тамбове. Сыграли первый акт. Спешно готовимся ко второму. Вдруг за кулисами появляется какое-то начальствующее лицо города и лаконично приказывает:

— Потрудитесь повторить первый акт! В театр прибыли господин полцимейстер с супругой.

Спорить было бесполезно. И этот случай был обидным в актерской жизни.

Сменялись города, антрепренеры. Неизменным оставалось одно: бездомная, неприютная жизнь и отношение правящего класса к артисту, как к низшему существу.

Восстанавливая в памяти прошлое, Ювеналий Васильевич в раздумьи произносит:

— Приходится поражаться тому, как артисты старой театральной провинции умели бережно пронести сквозь эту мерзкую действительность свою любовь к сцене, к искусству.

Светлых мгновений было немного.

...В центральной гостинице Нижнего Новгорода давался благотворительный концерт в пользу студенчества. Ювеналий Васильевич, сдерживая волнение, прочел первые строки «Буревестника». В зале стояла напряженная тишина. И как только артист произнес заключительные слова, тишина взорвалась бурей аплодисментов. Кто-то назвал имя автора. Через се-

кунду вся учащаяся молодежь в некотором восторге вызвала Алексея Максимовича. Он вышел на сцену, несколько смущенный этой бурной, всевозрастающей овацией.

И вторая встреча. В городском театре Риги шла репетиция пьесы Алексея Максимовича Горького «Мещане». В полутемном зрительном зале сидел Горький. В антракте он проходил за кулисы и долго беседовал с исполнителями ролей пьесы, поправлял, давал указания. Ювеналий Васильевич помнит до сих пор каждое слово великого писателя, сказанное ему — Белгородскому, игравшему роль Нила.

Много творческой радости испытал Ювеналий Васильевич от совместной (увы, непродолжительной) работы с такими колоссами русской сцены, как Савина, Комиссаржевская, Варламов. Эти встречи обогащали его, учили глубокой проникновенной работе над образом. То была единственная школа, в которой он познавал вершины актерского мастерства.

Шли годы странствий. Позади остался длинный многострадальный путь провинциального актера.

О первых годах революции Ювеналий Васильевич рассказывает с просветленным лицом.

Изменилось все вдруг. В театр пришел новый зритель — требовательный, чуткий и внимательный. В этот период спектакли приходили смотреть люди, только-что вернувшиеся с фронта, овеянные еще пороховым дымом, и люди, уезжающие на фронт добывать контрреволюционную гадюку, порывавшуюся задушить молодую свободную республику. Нужны были новые пьесы, новые методы работы. Тогда Ювеналий Васильевич, как и тысячи его товарищей, искренне и глубоко любящих сцену, испытали впервые перед этой благодарной аудиторией подлинную радость творчества.

В эти бурные стремительные дни, когда советская власть триумфальным шествием

проходила по России, рождался новый советский театр, ясная, ничем непохожая на прошлое, новая жизнь актера.

Казаюсь бы незначительный случай: Ювеналий Васильевич с женой шли поздней ночью домой. Театральная площадь Москвы тонет во мраке. Их остановил суровый оклик двух красногвардейцев:

— Кто идет?

— Артисты. Возвращаемся после спектакля...

На лицах красногвардейцев, слабо освещенных электрическим фонариком, появилась приветливая улыбка:

— Свои. Проходите.

Рассказывая эту сцену, Ювеналий Васильевич резюмирует:

— Вот в этом: «свои», я с особенной силой почувствовал то большое, радостное, что вошло в мою жизнь, в мои отношения со зрителем. Ради этого нового времени стоило жить.

Ювеналий Васильевич Белгородский принадлежит к старейшему поколению артистов труппы театра им. Волкова. Каждый из его товарищей, ровесников по стажу, помнит канувшую в прошлое многострадальную доктябрьскую жизнь актера.

В стране социализма артисты, этот передовой отряд советской интеллигенции, окружены всеобщей любовью и заботой и вместе с основателем лучшего русского театра Владимиром Ивановичем Немировичем-Данченко они с глубокой верой повторяют слова, сказанные им в дни сорокалетия МХАТа:

«...если бы не было Великой Октябрьской социалистической революции, наше искусство потерялось бы и заглохло. Поэтому, отвечая на вопрос, чему и кому мы обязаны нашим сегодняшним праздником, я отвечаю решительно и прямо: мы этим обязаны Октябрьской социалистической революции и нашим гениальным революционным вождям».